

Wintershall

Непоколебимое влияние

Государства ОПЕК продолжают играть важную роль в глобальной экономике

Леонид ГРИГОРЬЕВ,
профессор, заведующий кафедрой мировой экономики ФМЭИМП НИУ ВШЭ,
заместитель генерального директора ФГБУ «Российское энергетическое агентство»;
Александр КУРДИН,
начальник отдела проблем мировой энергетики ФГБУ «Российское энергетическое
агентство», аспирант экономического факультета МГУ

Организация стран-экспортёров нефти (ОПЕК) начала свой «путь наверх» в 1973 г., когда, умело используя объективные процессы и политические обстоятельства, смогла поднять цены на свой основной экспортный товар. Таким образом она получила ресурсы для развития и сменила в роли регулятора мирового рынка нефти «Семь сестёр» (такое прозвище, с лёгкой руки основателя компании Епé Энрико Маттеи, получил картель семи крупнейших нефтяных корпораций Запада – Standard oil of New Jersey, Mobil oil, Standard oil of California, Gulf oil, Texaco, Royal Dutch/Shell и British Petroleum, – созданный в конце 1920-х годов и контролировавший в течение почти полувека мировые нефтяные рынки). Мы сделаем попытку взглянуть на состояние стран ОПЕК как с точки зрения их собственного экономического развития, так и с позиции их воздействия на мировой рынок нефти при постоянно меняющихся условиях.

КАК СЫГРАТЬ УНИВЕРСАЛЬНУЮ РОЛЬ?

В начале 1970-х годов амбиции ОПЕК были подкреплены более чем значительными возможностями: к 1960 г. Иран, Ирак, Кувейт, Венесуэла и Саудовская Аравия обеспечивали почти 90% мирового экспорта сырой нефти. До 1970-х годов закупочные цены на неё в одностороннем порядке устанавливали западные нефтеперерабатывающие компании. В итоге цена десятилетиями оставалась в пределах 3–4 долларов за баррель. Создание ОПЕК стало ответом на данную ситуацию.

На большинстве рынков сырьевых и продовольственных товаров синдикаты и картели давно были сокрушены конкуренцией и тенденциями по снижению удельного потребления сырья на единицу продукции. ОПЕК также неоднократно «хоронили» экономисты и журналисты. Но нефть остаётся исключением – группа государств сохраняет способность целенаправленно воздействовать на уровень добычи этого ресурса, на ко-

торый, по данным Международного энергетического агентства, приходится примерно 33% мирового потребления энергии.

Бензин, дизель, керосин и топочный мазут остаются основными источниками энергии для транспорта. Со времён знаменитой фразы Уинстона Черчилля о диверсификации как основе энергетической безопасности ведущие страны-потребители пытаются достичь «независимости» от производителей нефти. Но она по-прежнему остаётся мечтой как для США, так и для ЕС и растущих экономик Азии.

Сорок лет назад ОПЕК представляла собой объединение прежде весьма небогатых государств, быстро получивших огромные (для себя и по мировым меркам) доходы. На сегодняшний день достигнутые ими результаты неоднозначны, так что вопрос, чего могут добиться нефтяные экспортёры в плане экономического развития, остаётся актуальным.

Принципы работы ОПЕК закреплены в его уставе. Все ключевые решения, связанные с определением политики организации, установлением целевых значений цены и объёма производства, принимаются единогласно на конференциях, проходящих два раза в год. Причём каждая страна обладает только одним голосом. Естественно, дисциплина выполнения решений не всегда достаточно жёсткая и различия интересов служат причиной для некоторых отклонений от общего курса, особенно это касается ведущих членов организации. Но в целом ОПЕК обеспечивает слишком важные блага для её участников, чтобы конфликтовать по частностям.

Между бедностью и «проклятием нефти»

Эмбарго, введённое «арабской частью» ОПЕК в 1973 г., привело к быстрому взлёту цен на нефть и казалось бы открыло дорогу всем странам-участникам организации к экономическому процветанию. Однако приток нефтяной ренты даёт возможности роста государственных расходов, личного потребления, но далеко не всегда способствует выходу на новый уровень экономического развития, о чём свидетельствует и опыт стран ОПЕК. После сорока лет получения высоких доходов страны-члены этой организации так и остаются специфической группой в составе развивающегося мира. Даже самые успешные из них (преж-

де всего, арабские монархии Персидского залива) так и не вошли в сообщество развитых держав как номинально, так и фактически, если брать в расчёт комплекс социально-экономических показателей. При этом другие государства ОПЕК не смогли даже вырваться из бедности и занимают далеко не самые лучшие позиции и среди развивающихся стран.

Для объяснения этого феномена, затронувшего не только ОПЕК, но и другие страны, богатые природными ресурсами, в частности углеводородами, была создана теория «ресурсного проклятия». Она до сих пор вызывает активные споры, в том числе и в России. Теоретическому анализу данной проблемы была посвящена работа и одного из авторов данной статьи¹.

Концепцию «ресурсного проклятия», или «парадокса изобилия», ввёл в научный оборот английский экономист Ричард Аути в начале 1990-х годов². Впрочем, за десять с лишним лет до этого в журнале *The Economist*, в статье, описывавшей состояние экономики Нидерландов после открытия месторождений углеводородов, впервые появилось понятие «голландская болезнь», формализованное впоследствии в виде модели американцами Уильямом Корденом и Джоном Ниэри³.

Детальные обзоры концепций «ресурсного проклятия» можно найти в трудах зарубежных учёных (Мяртена Росса⁴, Алена Гелба⁵, Майкла Хамфриса, Джеффри Сакса и Джозефа Стиглица⁶) и в работах отечественных авторов (Виктора Полтеровича, Владимира Попова, Александра Тониса⁷, Сергея Гуриева и Константина Сонина⁸). Суть теории состоит в том, что при появлении мощного источника внешнеторго-

вых поступлений в случае открытия месторождений полезных ископаемых либо значительного роста относительных цен на них возникают два эффекта: «эффект расходов» (или «использования доходов») и «эффект перемещения ресурсов».

Первый из них связан с резким притоком в страну иностранной валюты. При фиксированном валютном курсе (или де-юре плавающем, но фактически таргетируемом, как в России) Центробанк вынужден проводить интервенции национальной валюты, провоцируя рост денежной массы и инфляцию. Последняя приводит к укреплению реального курса национальной валюты и снижению конкурентоспособности товаров, которые вынуждены конкурировать на внешних и внутренних рынках с зарубежными аналогами. Это губительно воздействует на промышленные и сельскохозяйственные отрасли национального хозяйства за исключением «сектора бума». При плавающем валютном режиме произойдёт просто повышение номинального курса национальной валюты, также означаящее укрепление реального курса. В то же время за счёт роста совокупного спроса при наличии указанного «эффекта расходов» может активизироваться развитие так называемого неторгуемого сектора, не конкурирующего с товарным импортом: строительства, торговли и т. п.

Эффект «перемещения ресурсов» связан с переходом факторов производства в быстроразвивающийся «сектор бума», а также в уже упоминавшийся «неторгуемый» сектор, так как они являются более прибыльными по указанным выше причинам. Таким образом, «голландская болезнь» ослабляет «торгуемый» сегмент – производство благ, конкурирующих на мировых рынках.

В 1995 г. Джеффри Сакс и Эндрю Орнер⁹ опубликовали результаты эконометрического исследования «парадокса изобилия». Анализируя регрессию средних темпов экономического роста по выборке стран на ряд переменных, в числе которых доля экспорта природных ресурсов в ВВП, они пришли к выводу, что данный феномен действительно существует. Пытаясь объяснить механизм воздействия, они отклоняют ги-

¹ Курдин А. «Голландская болезнь» и институты: взаимодополняющие факторы «ресурсного проклятия» // Новые институционалисты / Под ред. Е. Кудряшовой. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 6–23.

² Auty R. *Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis*. – N. Y.: Routledge, 1993.

³ Corden W. M., Neary J. P. *Booming Sector and De-Industrialisation in a Small Open Economy* // *The Economic Journal*. 1982. Vol. 92, # 368. P. 825–848.

⁴ Ross, M. L. *The Political Economy of the Resource Curse* // *World Politics*. 1999. # 51.2. P. 301–322.

⁵ Gelb A. *Oil windfalls: Blessing or Curse?* – N. Y.: Oxford University Press, 1988.

⁶ Humphreys M., Sachs J., Stiglitz J. *Escaping the Resource Curse*. – N. Y.: Columbia University Press, 2007.

⁷ Полтерович В., Попов В., Тонис А. *Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия»*. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007.

⁸ Гуриев С., Сонин К. *Экономика «ресурсного проклятия»* // *Вопросы экономики*. 2008. № 4. С. 61–74.

⁹ Sachs J., Warner A. *Natural Resource Abundance and Economic Growth* // *NBER Working Paper*. 1995. # 3598.

потезу о ключевой роли институтов (в их анализе она аппроксимировалась переменной, характеризующей неэффективность бюрократического аппарата) и опираются на теорию «голландской болезни». Эта и последующие работы обоих авторов¹⁰ стали фундаментом эмпирических подтверждений теории «ресурсного проклятия» и одним из основных объектов нападок её критиков.

В 2007 г. вышел сборник под редакцией Уильяма Мэлони и Дэниэла Ледермана «Природные ресурсы. Ни проклятие, ни приговор»¹¹. Авторы собрали в нём ряд статей, эмпирически опровергающих негативные последствия изобилия природных ресурсов для развития национальной экономики и объясняющих проблемы отдельных стран иными причинами. Часто цитируется также статья Х. Брунншвайлера¹², критикующая работы Дж. Сакса и Э. Уорнера на основе анализа альтернативного показателя: вместо доли природных ресурсов в экспорте берётся их запас. Действительно, даже без приведения подтверждающей статистики очевидно, что среди стран, богатых природными ресурсами, есть не просто развитые державы, но ещё и государства, успешно диверсифицировавшие свою экономику: их ресурсное изобилие не отражается в исследованиях Дж. Сакса и Э. Уорнера.

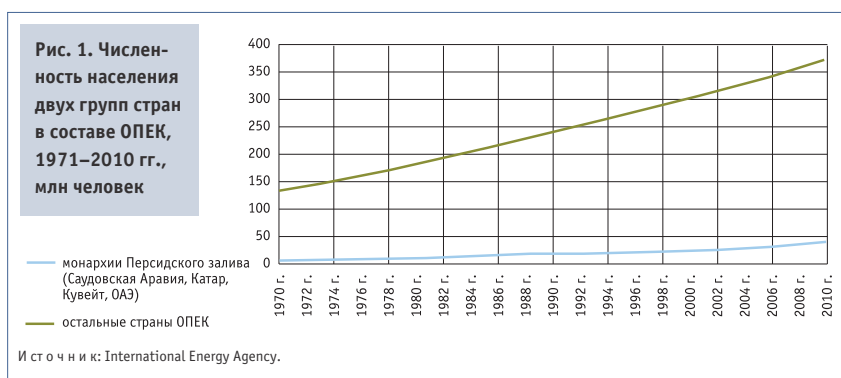
Невозможно отмахнуться от массива работ, критикующих теорию «парадокса изобилия». Однако практика свидетельствует, что значительное число стран, которые за счёт своего ресурсного богатства могли бы опережать других по темпам развития, на деле не только не реализуют своего преимущества, но и отстают. И необходимо взглянуть на причины этого явления, попытаться найти общие факторы неудачи.

В связи с этим уместно вспомнить мысль, сформулированную в работе Виталия Тамбовцева: «... первоначальная трактовка негативной связи между экспортом сырья и темпом экономического роста как «проклятия ресурсов» была в значительной мере дезориентирующей: точнее было бы говорить о «проклятии неразвитой экономики»¹³.

¹⁰ Например: Sachs J., Warner A. The curse of natural resources // European Economic Review. 2001. # 45. P. 827–838.

¹¹ Natural Resources. Neither Curse nor Destiny / ed. by D. Lederman, W. Maloney. – Washington, DC: World Bank; Stanford University Press, 2007.

¹² Brunnshweiler, C. N. Cursing the Blessings? Natural Resource Abundance, Institutions and Economic Growth // World Development. 2008. Vol. 36, issue 3. P. 399–419.

Конструктивной задачей теории «парадокса изобилия» могло бы стать окончательное решение вопроса о том, отстают ли страны, богатые природными ресурсами, и не анализ макроэкономических проблем на уровне каждой из них, а выявление общих механизмов снижения темпов экономического развития в подобных государствах.

КАК ВОЗНИКАЕТ «ПАРАДОКС ИЗОБИЛИЯ»

Можно выделить два наиболее распространённых объяснения «парадокса изобилия». Первый из них – уже упоминавшаяся «голландская болезнь». Анализ макроэкономических индикаторов ряда стран, к примеру динамики реального курса национальной валюты, соотношения валовой добавленной стоимости между секторами, свидетельствует, что это явление присутствует. Но подобное объяснение имеет, по меньшей мере, два слабых места.

Во-первых, непонятно, почему неравномерное развитие секторов приводит к замедлению экономического роста. На этот счёт существует мнение, что экспортно-сырьевые отрасли менее восприимчивы к инновациям (в этом случае говорят о технологическом проклятии¹⁴), подвержены более интенсивной конкуренции на мировых рынках, не производят значительной добавленной стоимости, более уязвимы в случае ценовых шоков. Почти все эти объяснения вызывают сомнения, особенно если рассмотреть пример нефтяной промышленно-

сти: добыча на сложных месторождениях требует активного проведения научных исследований и применения новейших разработок. Мировой рынок «чёрного золота» за счёт высокого уровня спроса, технологических ограничений и квотирования ОПЕК предоставляет экспортёрам достаточно благоприятные условия торговли и, следовательно, сохраняет высокую долю добавленной стоимости внутри страны. Значительная волатильность цен действительно представляет собой проблему, однако уже несколько десятилетий назад были разработаны меры экономической политики, позволяющие противодействовать внешним шокам, к примеру стабилизационные фонды.

Во-вторых, «голландская болезнь» должна носить универсальный характер и сковывать развитие всех стран, обладающих обширными запасами ресурсов. Существуют меры противодействия данному «заболеванию», которые могут нивелировать его влияние, но почему-то в некоторых странах «ресурсное проклятие» всё равно оказывает негативное воздействие на экономику, а в других случаях изобилие природных ресурсов не мешает прогрессу национального хозяйства.

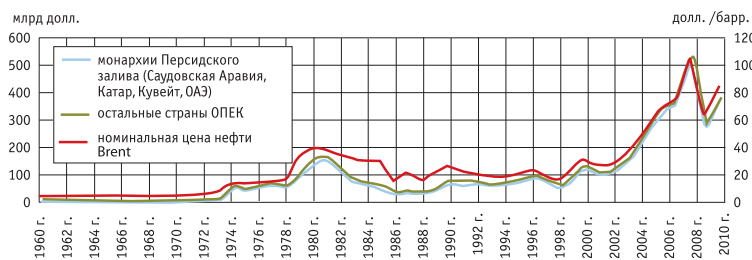
Второе объяснение «парадокса изобилия» основывается на институциональных факторах, а именно на параметрах институциональной среды в странах, богатых ресурсами. Необходимо сказать, что возможны две трактовки влияния природного изобилия на развитие национальной экономики. Эта классификация указана, в частности, в работе Андрея Щербака¹⁵. Прежде всего, наличие обширных запасов полез-

¹³ Тамбовцев В. Ресурсная обеспеченность страны и её политико-экономические последствия / Права собственности, приватизация и национализация в России / Под ред. В. Тамбовцева. – М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое Литературное Обозрение, 2009. С. 387.

¹⁴ Полтерович В., Попов В., Тонис А. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 85.

¹⁵ Щербак А. «Нефтяное проклятие» политического развития / Нефть, газ, модернизация общества / Под ред. Н. Добронравина, О. Марганя. – СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008. С. 31–52.

Рис. 2. Доходы стран ОПЕК от экспорта нефти и цены на нефть, 1960–2010 гг.

Источники: ОПЕК (Annual Statistical Bulletin 2010/2011) // British Petroleum Statistical Review of World Energy 2011.

ных ископаемых может отрицательно сказываться на характеристике государственных институтов, а последние уже влияют на развитие страны. Согласно альтернативному варианту, природные ресурсы могут играть положительную или отрицательную роль в зависимости от существующих параметров институциональной среды, сложившихся под действием других факторов. Подобный анализ проведён в работе Х. Мехлума, Карла Моэне и Роберта Торвика¹⁶. В качестве вариации последнего подхода ряд авторов предусматривают возможность модификации институтов под влиянием наличия природных богатств, но характер этой модификации определяется также и исходной институциональной средой¹⁷.

Модель «голландской болезни», существующая в контексте неоклассической макроэкономики, и модели институциональной теории редко рассматриваются вместе. Как правило, «голландская болезнь» анализируется вне институциональных параметров экономики. А последние – коррупция, ухудшение защиты прав собственности, подавление свободы СМИ – зачастую рассматриваются как факторы, действующие в национальной экономике в целом, но не затрагивающие её структурных характеристик.

На наш взгляд, структурные диспропорции и характеристики институциональной среды могут и должны рассматриваться совместно – это позволит проанализировать ситуацию «ресурсного проклятия» интегрированно (с неоклассической и институциональной сторон).

Попытки подобного анализа предпринимались рядом исследователей, которых порой выделяют в направление «секторалистов»¹⁸, в частности Ричардом Аути¹⁹, Т. Л. Карлом²⁰. Уделяя большое внимание диспропорциональному развитию экономики, богатых природными ресурсами, они указывали на важность государственной политики, зачастую подчинённой мотивам поиска ренты. Впрочем, эти учёные в большей степени базировались на изучении истории и специфических факторов для конкретных стран и государств, а не на построении обобщённой модели поведения индивидов и групп в рамках концепции индивидуального выбора. Поэтому их исследования в первом приближении разумно отнести к традиционному институционализму.

Существуют и работы, которые рассматривают структурные характеристики экономики, богатых ресурсами, в рамках нового институционализма. Так, Франциско Казелли²¹ описывает двухсекторную экономику, в которой сосуществуют промышленность и примитивное натуральное хозяйство. Авторитарный, контролирующий природную ренту, максимизирует свой доход и пытается избежать переворота. В зависимости от параметров модели он может стимулировать индустриализацию страны или отказаться от неё.

Арон Торнелл и Френк Лейн²² не структурируют экономику по отраслям, а делят её на формальный и неформальный секторы. Низкое качество институтов, в частности высокая вероятность экспроприации,

заставляет предпринимателей переходить в менее эффективный теневой сегмент.

Джим Робинсон, Роберт Торвик и Тьерри Вердые²³ структурируют экономику по принципу формы собственности, выделяя государственный и частный секторы. Государство извлекает природную ренту, при её высоком уровне политики во власти

получают шанс привлечь на свою сторону избирателей, чрезмерно расширяя государственный сектор в ущерб частному. В зависимости от качества институтов, в частности от прозрачности демократических процедур, эта пагубная политика может быть более или менее распространённой.

Виталий Тамбовцев и Лариса Валитова исследуют зависимость защиты прав собственности от обеспеченности природными ресурсами с учётом типа их территориального размещения (концентрированные/дисперсные) и политических институтов²⁴. При этом была высказана мысль о том, что уровень защиты прав собственности по стране в целом и в отдельных «зонах», в частности в секторе разработки концентрированных природных ресурсов, может различаться. Результаты анализа подтвердили наличие вышеупомянутой зависимости.

НЕ ВСЕ ПОДВЕРЖЕНЫ «РЕСУРСНОМУ ПРОКЛЯТИЮ»

История стран со значительным экспортом природных ресурсов (включая государства ОПЕК) является примером того, как были упущены многие возможности развития. Но в ряде западных держав появление экспортных доходов, которое должно теоретически вести к «голландской болезни», в последние сорок лет не стало причиной задержек в развитии. Не только Норвегия, но и сами Нидерланды, а также Канада, Австралия и т. д., располагавшие в начале разработки природных ресурсов сильными государственными и правовыми институтами, смогли выдержать «ресурсное проклятие» и использовать сырьевые доходы как на социальные нужды, так и на финансирование накопления.

¹⁶ Mehlum H., Moene K., Torvik R. Institutions and the Resource Curse // The Economic Journal. 2006. # 116. P. 120.

¹⁷ Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. 2007. № 6. С. 4–27; Тамбовцев В., Валитова Л. Ресурсная обеспеченность страны и её политико-экономические последствия // Экономическая политика. 2007. № 3. С. 18–31.

¹⁸ Davis G. The minerals sector, sectoral analysis and economic development // Resources Policy. 1998. Vol. 24. # 4. P. 217–228.

¹⁹ Resource abundance and Economic Development / ed. by R. Auty. – Oxford: Oxford University Press, 2001.

²⁰ Karl T. L. The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States. – Berkeley, Los Angeles., L.: California University Press, 1997.

²¹ Caselli F. Power Struggles and the Natural Resource Curse: <http://eprints.lse.ac.uk/4926>. – 2006.

²² Tornell A., Lane P. The Voracity Effect // The American Economic Review. Mar. 1999. Vol. 89, No. 1. P. 22–46.

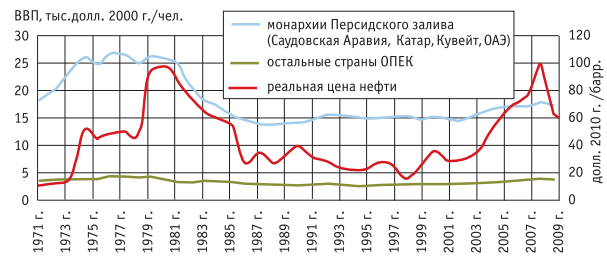
²³ Robinson J., Torvik R., Verdier T. Political Foundations of the Resource Curse // Journal of Development Economics. 2006. # 79. P. 447–468.

²⁴ Тамбовцев В., Валитова Л. Ресурсная обеспеченность страны и её политико-экономические последствия // Экономическая политика. 2007. № 3. С. 18–31.

Иное дело – попытка развития институтов, начинающаяся после приобретения нефтяного богатства. Стартовый уровень 1970 г. в большинстве стран ОПЕК – это бедность и крайняя слабость институтов рынка и правовой среды (даже в Латинской Америке). Получение нефтяной ренты сдвигает вверх уровень ВВП на душу населения. Но это совсем не та планка, которая соответствует истории развития. Создание этого дополнительного ВВП происходит в сущности во внешней торговле, а внутри страны приток доходов – ресурсной ренты – распределяется особым образом. Рента попадает в состав налогов и иных государственных доходов, а также в прибыль нефтяных компаний, причём эта часть может и не распределяться в виде дивидендов между широким кругом акционеров. В таких случаях крайне трудно развить институты индивидуальной и корпоративной собственности, обеспечивающие защиту прав внутренних и иностранных инвесторов.

«Нефтяные» государства (Petro-states, следуя терминологии Т. Л. Карла) вынуждены искать баланс между интересами правящей элиты, давлением массовой бедности и иными проблемами социального, внешнеэкономического и внешнеполитического порядка. По сути дела, энергетические ренты дают возможность правительствам в определённые периоды истории иметь значительные доходы, независимые от налогов с граждан и компаний. Пример экономической стагнации при значительной внешней ренте был дан Испанией после захвата колоний: латиноамериканское

Рис. 3. Реальный ВВП по ППС на душу населения в группах стран ОПЕК и реальная цена на нефть, 1971–2009 гг.

Источники: IEA, British Petroleum Statistical Review of World Energy 2011.

золото и серебро сыграли тогда роль «нефтяного проклятия». Некоторая независимость государственных бюджетов от благосостояния (и налогов) населения и компаний своей страны имеет «цену». Цена эта – формирование зависимости от внешних рынков и тенденций, в частности – от баланса спроса и предложения, политических интриг производителей и потребителей, конкурентов и союзников.

«Подтягивание» уровня институтов, способных к развитию и модернизации страны, при наличии ренты может идти трудно. Кажущаяся лёгкость решения проблем бедности за счёт ренты постоянно действует против развития рыночных механизмов – их можно формировать только с огромной волей и не мгновенно.

Тяжёлый путь в сорок лет

Однако вернёмся непосредственно к государствам ОПЕК и попробуем проанализировать характер их развития. Население государств-членов данной организации за сорок лет – с 1970 по 2010 гг. – выросло примерно в 2,9 раза, со 135 до 370 млн, что в целом соответствует тем-

пам развивающегося мира (см. рис. 1). Но уже по этому показателю видны существенные различия между основной массой стран и четырьмя монархиями Персидского залива: Саудовской Аравией, Кувейтом, Катаром и ОАЭ. При относительно малой доле населения на них приходится примерно половина всей добычи нефти и финансовых поступлений ОПЕК.

Характерными примерами являются лидеры по численности населения – Нигерия и Иран. В целом улучшение финансирования здравоохранения, в том числе и за счёт притока нефтяных доходов, оказало своё положительное воздействие, сыграл свою роль и эффект «первого демографического перехода»²⁵. Рост населения при увеличении государственных доходов, естественно, способствовал расширению запросов граждан этих стран, вызвав принятие различных социальных программ. Хотя это общая тенденция в развивающемся мире в последние десятилетия, разница состоит лишь в том, что в более бедных странах такие программы не имели источника финансирования или инвестировались в ограниченных масштабах за счёт международной помощи либо наращивания долгов в явном или неявном виде.

Страны ОПЕК на протяжении четырёх десятилетий опережают развивающийся мир в целом по приросту ВВП на душу населения. При каждом скачке нефтяных цен – в 1973 г., в 1980–1982 гг., в 2005–2008 гг. и в 2011 г. – данный показатель увеличивался, после чего эффект роста государственных расходов постепенно снижался. В конечном счёте, не все члены ОПЕК смогли удержаться даже на том уровне ВВП на душу населения (например, Нигерия), к которому за это время подошло большинство развивающихся стран.

²⁵ См.: Григорьев, Л. О динамике цен на капиталистическом рынке нефти // Приложение к «МЭиМО». 1986, №8; Динамика мирового спроса и место России на рынке нефти / В кн.: 1000 лучших предприятий. Промышленность России: рынки, отрасли, регионы. – М, 2003.

Табл. 1. Основные показатели национальных экономик ОПЕК в 2000 и 2010 гг.

Страна	Население, млн чел.		ВВП по ППС на душу населения, тыс. долл. в ценах 2005 г./чел.		Экспорт нефти и нефтепродуктов, млрд долл.	
	2000 г.	2010 г.	2000 г.	2010 г.	2000 г.	2010 г.
<i>Монархии Персидского залива</i>						
Катар	0,6	1,8	64,8	73,2**	7,2	29,3
Кувейт	1,9	2,7	38,4	49,5*	18,2	61,7
ОАЭ	3,0	7,5	69,1	42,4	26,1	74,0
Саудовская Аравия	20,0	27,4	20,3	20,4	70,9	196,2
<i>Остальные страны</i>						
Алжир	30,5	35,5	6,1	7,6	14,2	38,3
Ангола	13,9	19,1	2,6	5,5	7,1	47,2
Венесуэла	24,3	28,8	9,6	11,0	26,1	62,3
Ирак	24,3	32,0	4,6	3,2	16,9	51,1
Иран	65,3	74,0	7,5	10,5**	25,4	71,6
Ливия	5,2	6,4	12,6	15,4**	12,2	41,9
Нигерия	123,7	158,4	1,5	2,2	26,9	61,8
Эквадор	12,3	14,5	5,4	7,2	2,4	9,6

*Данные 2007 г.

**Данные 2009 г.

Источники: World Bank (World Development Indicators 2012); OPEC (Annual Statistical Bulletin 2010/2011).

С ростом доходов увеличились запросы населения. Это, в свою очередь, осложнило (иными словами, увеличило стоимость) поддержание стабильности сложившихся режимов. В целом итоги роста ВВП носят двойственный характер. Нельзя отрицать повышение уровня благосостояния, социального обеспечения, образования в этом блоке стран. Свободные финансовые ресурсы создали иллюзию «свободы рук» для реализации престижных проектов, решения ряда важных задач.

Вместе с тем большинство государств ОПЕК так и не вышли на уровень ВВП выше 12–15 тыс. долларов на душу населения (см. табл. 1). Конечно, при анализе было бы корректно учитывать войны, которые нанесли большой ущерб экономике Ирана, Кувейта и особенно Ирака в 1980–2000 гг. Кроме того, Ирак и Иран уничтожили огромные человеческие, материальные и финансовые ресурсы в ходе войны между собой. Наконец, эмбарго против Ирака и война против режима Саддама Хусейна также добавили проблем в регионе. Но в целом как страны Ближнего и Среднего Востока, так и государства Азии и Латинской Америки, входящие в ОПЕК, использовали нефтяную ренту на государственное и частное потребление. Во многом это определялось характером человеческого капитала и управленческих ресурсов, доступной рабочей силой и объёмом инвестиционных вложений. Отсутствие квалифицированных кадров и полномасштабных и продуманных долгосрочных стратегий развития ещё в начале периода дорогой нефти – в 1970-х годах, – а также относительно низкие цены в 1986–2002 гг. (около 20 долларов за баррель) создавали препятствия для движения по пути индустриализации²⁶.

Две «Фракции» ОПЕК

Со временем произошло практическое расщепление ОПЕК на несколько групп стран по уровню ВВП на душу населения и по ресурсным возможностям для осуществления проектов и приоритетных программ. Большая часть госу-

Табл. 2. Структура отдельных национальных экономик стран ОПЕК, 2007 г., добавленная стоимость в отрасли, % к ВВП страны

	Промышленность в целом	Обрабатывающая промышленность	Сельское хозяйство	Сфера услуг
Алжир	61,3	5,3	8,0	30,7
Ангола	66,6	5,2	7,9	25,6
Венесуэла	54,2	14,7	4,2	41,6
Иран	44,5	10,6	10,2	45,3
Ливия	76,4	4,5	2,1	21,5
Нигерия	40,7	н/д	32,7	26,6
ОАЭ	54,8	9,0	1,0	44,2
Саудовская Аравия	65,6	9,5	2,8	31,6
Эквадор	38,8	9,3	7,0	54,3

Источники: World Bank (World Development Indicators 2012).

дарств-членов данной организации остаются относительно бедными, испытывающими огромные социальные проблемы. Правда, они удержались с помощью нефти на позициях выше иных отсталых стран, часто своих соседей, лишённых «чёрного золота». Особняком стоят Иран и Ирак, которые, как уже отмечалось, истратили огромные средства на милитаризацию, последующие войны и конфликты.

Таким образом, в рамках ОПЕК можно выделить две группы стран. Во-первых,

поддерживали дисциплину, говорит скорее о том, что стимулы к устойчивости экспортных цен и доходов перевешивали межгрупповые различия интересов.

Большинство государств ОПЕК остаются ниже критической линии в 5 тыс. долларов ВВП на душу населения. Четыре монархии Персид-

ского залива в среднем имеют в три-четыре раза более высокий показатель, что во многом определяет лидер данной группы – Саудовская Аравия. Фактически в рамках ОПЕК можно наблюдать разделение «двух миров» – богатого и бедного, – но «нефтяной» характер богатства монархий Персидского залива, их крайняя зависимость от одной отрасли, наличие авторитарных политических режимов всё же не позволяют причислить их к категории развитых держав в мировом масштабе.

Табл. 3. Показатели государственных финансов, импорта и инвестиций национальных экономик стран ОПЕК в 2000 и 2010 гг., % к ВВП

	Валовый госдолг		Импорт		Госрасходы		Инвестиции в основной капитал	
	2000 г.	2010 г.	2000 г.	2010 г.	2000 г.	2010 г.	2000 г.	2010 г.
Алжир	62,8	11,1	21,4	21,5	28,6	37,4	20,7	38,3***
Ангола	104,5	37,5	62,8	43,3	49,6	36,7	15,1	14,5
Венесуэла	31,9	40,2	18,1	17,2	28,3	37,1	21,0	17,5
Ирак	н/д	119,5	н/д	н/д	н/д	84,7	н/д	н/д
Иран	23,3	16,7	17,4	21,5*	18,0	21,1	26,4	25,8*
Катар	55,0	30,9	22,3	31,2***	31,5	28,1	19,5	39,3***
Кувейт	35,4	10,5	30,1	28,0***	35,7	41,5	10,7	13,9***
Ливия	39,0	0,0	15,5	27,5**	28,2	51,0	13,1	27,9**
Нигерия	84,2	18,0	32,0	30,4	36,2	31,0	н/д	н/д
ОАЭ	3,1	21,3	40,7^	68,8	21,5	24,3	21,0	23,8
Саудовская Аравия	87,2	9,9	24,9	35,4	35,6	42,0	17,5	21,0
Эквадор	65,7****	16,1	31,0	38,6	26,0	35,6	20,5	25,2

Источники: World Bank (World Development Indicators 2012); International Monetary Fund, IMF (World Economic Outlook Database, April 2012).

*Данные 2007 г.

**Данные 2008 г.

***Данные 2009 г.

****Данные 2001 г.

это четыре монархии Персидского залива (Саудовская Аравия, Кувейт, Катар и ОАЭ). Во-вторых, все остальные государства. Две группы равны по своим суммарным валовым доходам от экспорта нефти при огромной разнице в развитии и численности населения. Тот факт, что члены ОПЕК в целом смогли оставаться так долго в рамках одной организации и

Но интересы правительств этих государств в большей степени тяготеют к интересам развитых стран (хотя при этом они скорее заботятся о своих долгосрочных экономических и политических целях). Это подтвердил, в частности, конфликт в ОПЕК летом 2011 г., когда монархии Персидского залива поддержали требование Запада об увеличении квот

²⁶ См.: Trade, Investment and Development in the Middle East and North Africa. Engaging with the World (MENA Development Report), the World Bank. – Washington, 2003.

добычи, артикулированное Международным энергетическим агентством. Другие государства, в первую очередь Венесуэла и Иран, выступили резко против шага навстречу развитым державам, поскольку в долгосрочном плане это может сократить физический экспорт нефти и доходы. Но членам ОПЕК, несмотря на правило единогласия при принятии решений, а возможно, что и благодаря ему, удавалось не только договариваться, но и относительно дисциплинированно выполнять соглашения, особенно в ходе кризиса в 2008–2009 гг.

Более точно оценить прогресс монархий Персидского залива в деле достижения благосостояния (но ещё не развития и трансформации) общества довольно сложно по причине недостатка статистики. Тем не менее намеченные планы выполняются, пусть и медленно (внешние наблюдатели в основном видят дороги, аэропорты, отели и различные туристические сооружения плюс получают информацию о социальных программах для граждан). При этом обрабатывающая промышленность так и осталась на последнем месте в структуре ВВП государств ОПЕК (см. табл. 2). Диверсификация экономики в наиболее богатых странах-членах нефтяного картеля находится на начальных этапах, и это является одним из важнейших их отличий от развитых держав.

Динамика развития, естественно, зависит от эффективности использования сбережений, то есть от реинвестирования нефтяных доходов в реальный сектор экономики. Эта же проблема встаёт и в другой стране, критически зависимой от экспорта углеводородов, – в России. И теория, и практика показывают, что высокая норма накопления служит необходимым условием быстрого роста, тем более модернизации экономики. Надо отдать должное странам ОПЕК – к 2010 г. некоторые из них (но не Саудовская Аравия) смогли увеличить норму накопления до значительного уровня, выше 25–30%, что является хорошим показателем даже для активно развивающихся стран. Причём это происходило на фоне достаточно высоких цен на «чёрное золото» – около 100 долларов в 2008 г., выше 60 долларов за баррель в 2009 г. и

Табл. 4. Показатели оборонного комплекса национальных экономик стран ОПЕК в 2000 и 2009 гг.

Страна	Военные расходы, % к ВВП		Численность вооружённых сил, % трудовых ресурсов	
	2000	2010	2000	2010
<i>Монархии Персидского залива</i>				
Катар	н/д	2,3*	3,7	0,9
Кувейт	7,1	4,0**	2,1	1,7
ОАЭ	6,3	5,4	3,8	1,0
Саудовская Аравия	10,6	10,4	3,6	2,6
<i>Остальные страны</i>				
Алжир	3,4	3,5	3,5	2,8
Ангола	6,4	4,4	2,3	1,6
Венесуэла	1,5	0,9	0,8	0,9
Ирак	н/д	6,0	8,6	10,6
Иран	3,7	1,9*	4,1	2,2
Ливия	3,2	1,2*	4,2	3,2**
Нигерия	0,8	1,0	0,3	0,3
Эквадор	1,7	3,8	1,1	0,9

Источники: World Bank (World Development Indicators 2012).

* Данные 2008 г.

** Данные 2009 г.

около 80 долларов в 2010 г. Но данный путь был достаточно сложным, а основным направлением инвестиций остаётся расширение инфраструктуры.

В период быстрого роста цен на нефть и, следовательно, благоприятной макроэкономической конъюнктуры во многих странах резко снизилась величина государственного долга относительно ВВП. С одной стороны, это является элементом антициклической политики, позволяющей сдерживать расходы бюджета в периоды бума и заодно расширять возможности заимствований в будущем. С другой стороны, такая политика отчасти ограничивает потенциал использования нефтегазовых доходов в целях долгосрочных программ модернизации.

Демографический бум и большая безработица традиционно остаются проблемой в странах ОПЕК, включая Саудовскую Аравию. При этом надо учитывать фактор гастарбайтеров, на которых приходится основная доля работ в коммерческом секторе многих нефтяных государств, особенно в странах Персидского залива. Соответственно, денежные переводы в Египет, Пакистан, Палестину играют большую роль в развитии и стабильности всего Ближнего и Среднего Востока.

Статистика государственных расходов показывает, что априорное отнесение стран ОПЕК – даже монархий Персидского залива – к ряду чрезмерно «огосударственных» экономик преждевременно. Саудовская Аравия и Кувейт традиционно характеризуются большой долей государства в ВВП, но в соседних ОАЭ доля

госрасходов довольно умеренная.

Существенная неоднородность наблюдается и в сфере внешней торговли. Так, страны с наибольшей долей обрабатывающей промышленности в ВВП – Иран и Венесуэла – обладают и наименьшей долей импорта.

Проблемы развития государств Ближнего Востока и Северной Африки были объектом серьёзного анализа. Рекомендации Мирового банка, сделанные в 2003 г., носили институциональный характер: либерализация внутреннего рынка (в частности, услуг), региональная интеграция, снижение торговых барьеров. Этот доклад был выпущен как раз к концу периода «дешёвой нефти», поскольку

результаты развития в 1990-х были явно разочаровывающими. Правда, некоторое улучшение инвестиционного климата всё же имело место, а существенный рост цен между 2003 и 2012 гг. позволил стабилизировать положение в регионе.

Нельзя не упомянуть о военных расходах, которые в ряде стран ОПЕК довольно существенны, и это вновь становится основанием для разделения на группы. Страны Персидского залива в среднем тратят на оборону заметно больше (если, конечно, оставить за скобками военные траты находящегося почти в военном положении Ирака). А несомненным лидером среди них по доле военных ассигнований в ВВП является Саудовская Аравия (см. табл. 4).

Это неудивительно: наличие обширных природных богатств, непосредственно «привязанных» к территории, а не к финансовым потокам или кадровым ресурсам, требует защиты от посягательств со стороны как внутренних, так и внешних врагов. На Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1999 гг. произошло не менее ста вооружённых конфликтов, данный регион уступает по этому показателю только Африке южнее Сахары. При этом монархии Персидского залива обладают ещё и достаточными финансовыми ресурсами, чтобы активно финансировать собственную безопасность, не жертвуя при этом целями модернизации и социального благополучия.

(Окончание следует) ■